

Алексей Боровой
Власть

Гнус - человек! - Не бить его, Так уже кого и бить?

Некрасов

*Леофил теперь начальник, Леофил над всем царит,
Все лежит на Леофиле, Леофила слушай все!*

Архилох

В одном из исторических журналов дореволюционного времени я читал повествование о некоей правительственной экспедиции по Амуру в Восточную Сибирь. Экспедиция шла в сопровождении трех военных отрядов. В диких неисследованных краях, в жестокую снежную бурю отряды заблудились. Запасы пищи были уничтожены. Начался голод. В кошмарных скитаниях брошено было постепенно все имущество экспедиции. Люди были истощены до последней степени. Стоило ли беречь вещи? Были случаи людоедства. Но - черта, поистине замечательная! - солдаты берегли винтовки... Уцелевшие, более похожие на тени, чем на живых людей, дотащившись до поста, сдали и свои винтовки и винтовки погибших товарищей.

Значит, в те минуты, когда не оставалось более никаких надежд на сохранение жизни, *солдат* все же продолжал беречь *казенное имущество*. Представления далекого мира продолжали хранить для него свою таинственную обязательность. Воля далекого и, казалось бы, столь чуждого в сложившейся обстановке распорядителя судеб менее значима, чем исполнение служебного долга.

Какая же страшная сила могла так искалечить человеческий мозг и человеческое сердце? Навсегда поразив воображение, парализовав умственные центры - живых, реальных людей превратив в безвольных слуг абстракции?

Что могло определить их волю?

Свободному волеизъявлению не могло быть места. Правительство было дано солдатам божественным провидением или волей исторических судеб. Никаких договоров они с ним не заключали. Правительство было им далеким и чуждым. - "До Бога высоко. До Царя далеко". Представления о внешней власти создавались по слухам, лубочным картинам, немногочисленным отдельным событиям - коронация, похороны, случайный проезд и прочее. Ближайшие представители власти были известны главным образом благодаря присвоенным им отличиям (погоны, кокарды, оружие). Словом, как будто в жизни солдат не было таких отношений к власти, которые предполагали бы с их стороны какое-либо разумное согласие на совершение определенных действий или обратно отказ от определенных актов, почему-либо власти нежелательных...

Могло бы поведение солдат быть обусловлено убеждением в умственном превосходстве или моральном авторитете органов власти? Конечно, нет! Прежде всего, такие соображения не могли иметь места уже в силу совершенного незнакомства их или, по крайней мере, недостаточного знакомства, как мы только что говорили, с высшими органами власти. Препятствием для укрепления подобных соображений должна была бы быть и общая неразвитость повинующихся.

Остается страх наказания, непосредственного физического воздействия? Едва ли бы и это могло служить аргументом. Не говоря уже о том, что повинующихся всегда неизмеримо больше, чем приказывающих, - в интересующем нас случае у солдат перед лицом смерти, казалось, должны были бы стереться всякие представления об ожидающем их вменении, тем более что и речи не могло быть о какой-либо дисциплине в условиях этого страшного похода.

В чем же источник этой таинственной силы?

Благонамеренный русский историк дал однажды необычайно яркое, конкретное описание чувства этой силы: "Да, он (Царь) молчит, и между тем мысль о нем удерживает руку, уже поднятую, и она внезапно опускается в нерешительности. Да, он молчит, и между тем другие с мыслью о нем засыпают покойные на своих терниях покрытых ложах; одни почерпают в этой мысли для себя бодрость, другие поражаются робостью; для одних здесь надежда, для других - страх (1).

Этот своеобразный синтез - политического убеждения, реальной веры в могущество власти, искреннего пафоса, влюбленности в конкретного царя, привычного холопства - дает наглядное представление о сложности и могуществе источников чувств господства и подчиненности.

Третий и последний пример, в котором мы будем иметь дело не с забитым и темным русским мужиком и не с консервативным ученым, монархически настроенным, но с культурным европейцем-индивидуалистом, превосходно прозревающим природу государственного принуждения.

Один из талантливых современных западных писателей (2) повествует про молодого немецкого художника, только что обвенчавшегося, любящего и любимого и скрывшегося от войны - из Германии в Швейцарию. Чудесная интимная жизнь. Внезапно приходит письмо с требованием его к исполнению повинности. И в то время как его природные вкусы, чувство самосохранения, полная возможность не подчиниться приказу, просьбы, советы, убеждения жены должны были бы удержать его от повиновения, огромный волнующий страх, без малейшей примеси патриотизма, без какого-либо желания разделить участь соотечественников, близких, друзей ввергает его в животный трепет перед божеством власти. Сомнения и колебания разрешаются тем, что, обливаясь мучительным потом стыда перед женой за свою трусость и бесхарактерность, полный отвращения к себе, измученный страхом, он бежит "исполнять свой долг". И только пройдя на родине разнообразные стадии унижения, потрясенный видом пострадавших на войне, он бежит обратно и сбрасывает с себя наконец "гнет законов и слов человеческих".

Государство же - источник универсальной, неодолимой силы - равно воздействует на грубых, темных людей и людей высокой культуры, способных до конца проследить логический ход своих мыслей, до конца проанализировать свои душевные состояния.

Проблема власти имеет грандиозную литературу на всех языках - социологическую, политическую, правовую, психологическую, художественную. По существу, нет и не может быть принципиально социологического исследования, которое явно или косвенно не ставило бы этой проблемы (3).

Однако явления, обнимаемые проблемой, настолько сложны и разнородны, питаются такими могучими жизненными корнями, служат таким противоречивым и враждебным человеческим интересам, что единого теоретического решения не существует и не может существовать.

Здесь эта проблема должна получить освещение в свете анархического мировоззрения.

Как порождаются, существуют и утверждаются отношения господства и подчиненности?

Прежде всего необходимо проводить строгое методологическое различие между властью в широком смысле слова, как совокупностью явлений независимо от их происхождения и характера и так или иначе обуславливающих природу человека или человеческого общества и властью как явлением строго социальным, как специфической формой взаимодействия людей.

1. Первое понятие власти предполагает стихийное, неосознаваемое гипостазирование отвлеченных представлений, психических настроений, бессознательно сложившихся отношений в самодовлеющие надындивидуальные субстанции - реальности, подминающие себе их творца, определяющие и направляющие его волю.

В атмосфере непроницаемого фетишизма человек, которому в этой "реальности" принадлежит все от и до, волей которого в пестром ходе истории постепенно созданы все нюансы этой трепещущей, вечно движущейся "реальности", - теперь сам ее первая жертва. Он не смеет не повиноваться своей же волей порожденной, но ограничивающей его, уничижающей, быть может, убивающей его догме, говорящей ему о покорности, долге, самоотречении. И волевое утверждение конкретного исторического момента становится сперва страшным призраком, угрожающим и мстительным, позже длительным, неодолимым источником депрессии.

И, чем обширнее социальный круг, чем сложнее сеть психических взаимодействий, в которые вовлечена подлинная реальность - человек, тем сильнее и полнее опутана она иррациональностью слагающихся клубком таинственных велений, вышедших из собственных ее устремлений, признаний, соглашений или молчаливых присоединений, но теперь сковывающих ее чудесной силой.

Каждая отдельная конкретная личность - оригинальная, неповторимая, единственная, реальная - подчинена, таким образом, сверхиндивидуальному, абстрактному и безотчетному синтезу устремлений и волей отдельных личностей. И эта огромная сила, стихийно нарастающая от трепетного подчинения ей, поглощает последовательно все индивидуальные процессы, закрепляя свои позиции санкциями религии, нормами морали, голосом общественного мнения, наконец, юридическими санкциями, достигающими наибольшей всесторонности, законченности, напряженности в государственной организации. При этом указание на то, что каждая общественная организация и в частности и по преимуществу государственный союз выражает свою власть через непосредственное физическое принуждение (система наказаний), не носит принципиального характера, так как самое физическое принуждение осуществляется реальными людьми, однако предпочитающими или считающими необходимым служить тому же призраку, о коем идет речь.

Таков путь - вырастающих над человеком - власти, религии, морали, общественного мнения, прошлого, право-политических институтов, моды и пр. и пр. и пр.

2. Власть в тесном смысле, в плане практических последствий для поработанного ей человека мало чем отличается от охарактеризованной формы фетишизма, тем не менее есть явление совершенно самостоятельное, принципиально отличное от нее.

Эта власть есть специфическая форма отношений господства и подчинения, возникающая в процессе взаимодействия между людьми. Основным момент, образующий понятие власти, есть осознание сторонами этого всегда, по существу, двустороннего процесса, характера своих отношений. Субъективно чувство господства и чувство зависимости являются равно необходимыми эмоциями этого взаимоотношения. С этой точки зрения одинаково представляют существо власти как те, кто властеотношение рассматривает как явление индивидуальной психологии, и те, кто власть человека над человеком смешивает с властью или влиянием любой иной посторонней силы, хотя бы и абстракции (Коркунов, Петражицкий).

Коркунов, автор обстоятельной и остроумной критики "волюнтарной гипотезы власти", впадает в обе эти ошибки.

С одной стороны, он утверждает, что "не всякая воля властвует. Воля бывает и бессильная, безвластная", что для подчиняющегося "одинаковое значение имеет и действительная воля властвующего, и только воображаемая".

С другой, он говорит о властвовании вообще без воли к ней - власти святости, гениального ума, красоты, аскетов и т.д. Этим объясняется и "возможность властвования над людьми воображаемых божеств, не существующих вовсе в действительности и не имеющих поэтому самому никакой действительности", "представлений" и пр.

Для Коркунова поэтому "властвование предполагает сознание не с активной стороны, не со стороны властвующего, а с пассивной стороны, со стороны подвластного", "для властвования требуется только самое сознание зависимости, а не реальность ее", "власть

есть сила, обусловленная не волею властвующего, а сознанием зависимости подвластного", и т.д. и т.д. и т.д. (4)

Субъект власти должен всегда осознавать возможность господства, объект власти - необходимость подчинения. Чувство зависимости одной "реальности" (человека) от другой и есть содержание явления "власти". Всякое иное толкование приводит к полному смешению явлений качественно различных порядков - господства законов природы с господством законов, установленных людьми.

И в этой группе явлений, представляющих для нас преимущественный, т.е. ближайший, непосредственный практический интерес, следует еще различать также властеотношения людей, при коих один пользуется атрибутами власти, присвоенными ему какой-либо общественной организацией, и властеотношения личного характера, хотя и возникающие на фоне общественной организации, но от последней в современной обстановке не получающие никаких специфических средств защиты или нападения (отношения любви, дружбы).

Последняя форма властвования, по крайней мере при современных познавательных средствах, представляется иррациональной и в большинстве случаев не поддается хоть сколько-нибудь убедительному анализу. Движения подсознательные, инстинкты играют здесь бесспорно первенствующую роль.

Власть поддерживается обществом, классом, сословием. Организованная власть и есть прежде всего то явление, с которым ведет и должно вести непримиримую борьбу анархическое мировоззрение.

Общественная власть так же стара, как само общество.

Самые ранние первобытные и тотемические общества знали уже те или другие формы организации, построенные на началах авторитета и подчинения, господства и зависимости, и, следовательно, были властническими обществами. Совместное существование людей, ибо последних в изолированном состоянии исторически мы не знаем, предполагает определенную иерархию отношений на почве борьбы за существование общего труда в целях разрешения продовольственных задач и выращивания новых поколений.

Двусторонний процесс, каковым является властеотношение, естественно предполагает защиту интересов обеих сторон, хотя бы и неравномерную, в смысле личного ощущения - стороны властвующей и стороны подчиняющейся. Вождь, глава пользуется авторитетом моральным и максимумом бытового материального благополучия. Подвластные, подчиненные, подданные, добровольно или недобровольно признавшие своего вождя, поддерживая его во всех его жизненных предприятиях своим численным весом, трудом, накопленным имуществом, ждут от него специфических услуг общежитию. Подвластные нередко бывают тем суфлером, которые нашептывают своему вождю предприятия, которые после нередко засчитываются ему в собственные подвиги, личные заслуги, за которые ставятся ему памятники, упрочивается его династия и т.д. Но, как бы ни было, служба вождя необходима, вождь без заслуг немыслим. Чистая деспотия, царство ничем не ограничиваемого произвола и удовлетворение только личных вкусов и мечтаний вызывают переворот, революцию. Подвластные выносят корысть, тупоумие, разврат до тех пор, пока убеждение хотя в некоторой полезности шефа разделяется огромным, видимым и всеящим большинством подчиненных. Когда обман становится ясен большинству, власть падает, каким священным ореолом она ни была бы окружена вначале. Таким образом, удовлетворение по крайней мере основных потребностей подвластных властью является необходимой предпосылкой ее существования. Власть, бессильная удовлетворять признанные потребности в силу ли истощения материальных ресурсов, утраты личного влияния, образования корыстного, эксплуатирующего *(слово написано неразборчиво в рукописи)*, несоответствия между ростом потребностей и ростом возможностей их удовлетворения, устраняется.

Анархическое мировоззрение - арелигиозное по существу - борется со всеми формами и пережитками фетишизма в человеческом обществе.

Анархизму любая форма человеческого рабства невыносима. С одной стороны, он разоблачает до конца фетишистские образования, какова бы ни была их природа, вскрывает атавистический характер обычных представлений о власти, с другой - на основании осознания большинством трудящихся недопустимости отношений господства и подчинения и непрерывных успехов технической стороны трудовых процессов конструирует тип организации безвластного общества.

1. Разоблачение фетишистской природы большинства наших общественных образований и борьба против них практически представляют огромные трудности, на первый взгляд неодолимые.

Сознание современной, даже свободолубивой, личности является глубоко загипнотизированным гипотезами и фикциями, возникшими в историческом процессе в силу их относительной полезности.

Каждый человек как член определенной общественной организации уже фактом своего рождения и необходимости дальнейшего симбиоза автоматически приобщается к огромному фонду накопленных предшествующими поколениями опыта, навыков, верований, утверждений, воспитывающих его характер, защищающих его интересы, направляющих его волю.

Естественно, у каждого члена общежития вырастает бессознательное уважение к закристаллизовавшимся формам взаимоотношений, искусно служащим его интересам и представляющим наиболее выгодные равнодействующие из возможных решений и непосредственной практики. К тому же отобранный опыт защищается рядом специальных учреждений, не только действующих в плане психического воздействия, но и грозящих прямым насилием - физическим принуждением.

И вот под влиянием разнородных чувств, вырастающих на почве существенно вынужденного симбиоза - стадности, заинтересованности, благородства, страха, вырастает глубокий консерватизм - сложное, неопределенное, но вполне достаточное для определения личных актов, благословенное чувство, инстинктивно передаваемое от поколения к поколению, подсекающее в корне любую попытку восстать против общей, реально неосязаемой, но объективно достоверной, всеми равно чувствуемой силы. При этом силе этой в представлении ее участников дарована долгая, если не вечная жизнь, в то время как подлинные творцы и реальности рождаются, живут и умирают, подобно ефемеридам.

И представители власти и подвластные живут равно в этой атмосфере взаимовнушения. Невзирая на, казалось бы, очевидную, резкую противоположность их интересов, они солидаризируются в преклонении пред мистически неуловимой, сверхъестественной силой, ставшей существенной, необходимой. И авторитет этой силы строится вовсе не на исключительно высоком внутреннем содержании ее. Последнее может не только не отвечать нашим представлениям о справедливости, но идти прямо вразрез с ними, и такая постоянная работа коллективного самовнушения сообщает формальной, по существу не одухотворенной силе обаяние силы праведной.

Каково психологическое содержание чувства зависимости? Во-первых, успокоение слабых и трусов, опасющихся, что вне спасительного маяка - власти они будут развеяны, как атомическая пыль. Во-вторых, мещане, скопидомы, шкурники, предпочитающие без борьбы отдать кусочки своего, чтобы оберечь от завистливых и ненавидящих глаз главное свое достояние. В-третьих, специфические эстеты - любители фасадов, декораций, почерпающие силу в созерцании и смаковании "великого". В-четвертых, мыслители и общественные деятели, ищущие алгебру социальных отношений и полагающие прошлый опыт основным условием дальнейших построений. Наконец, косные массы, голодом, тяжким трудом, темнотой привычные к обожествлению палки.

Совокупная работа этих настроений, технически немощных, масс, забытых, угнетаемых, и неумеренность их восторгов перед самыми умеренными подачками, эксплуатация инстинктов паразитарных групп, философский и литературный блеск прихлебателей - вот источник обаяния власти.

И более. Даже те, кто разгадал эту страшную силу самовнушения, кто восстает против нее благодаря сложному ряду привычных и навязчивых представлений, известным навыкам, исторически привычным методам борьбы, собравшись на войну, - забывает о подлинной цели ее и, сражаясь против ненавистной, опостылевшей силы, утверждает новую, столь же универсальную, столь же беспощадную, столь же подчиняющую мертвящим абстракциям реальный мир.

В новые меха льется старое вино, пьянящее головы, упоенные победой. Но проходит хмель, и трезвеющие борцы с изумлением и негодованием взирают на новые сети, ими же сотканные. Вновь наверху - сверхиндивидуальная, отвлеченная сила; вновь человек трактуется как реальность *suí generis*, как специальная порода, уготованная на вивисекцию во имя высоких целей прогресса, вновь отданная на усмотрение своего волшебного опекуна.

Значит ли, что борьба с социальным вампиром невозможна, что историческому человечеству до последних дней его суждена антиномия: последовательное стремление к самоосвобождению и одновременно закабаление себя социальной мистике, подкрепляемой всеми средствами позитивных арсеналов?

Нет! Анархическое мировоззрение принимает вызов.

Прежде всего оно до конца осознает и разоблачает привычный фетишизм общественных образований. Безвластие есть стихия анархизма. Напитанный пафосом предельного раскрепощения человека, в меру его человеческой природы анархизм стремится поразить самый принцип власти, подсесть ее живые корни.

Речь идет не о метафизических спекуляциях, не о теоретической аргументации против начал, ограничивающих и тем более парализующих свободу человеческой инициативы, но о создании реальных предпосылок такого общежития, в котором не могло бы быть места указанному выше дуализму.

Итак, первый шаг анархизма - категорическое утверждение, что нет разумных оснований к капитуляции человека перед силой, являющейся его собственным порождением и которая поэтому не может встать ни над его волей, ни над его сознанием.

Рост любого исторического общества есть, между прочим, всегда рост автономии его членов.

Ранние организационные формы, суровые в отношении к личной свободе, естественно воспитывают протест личности, постепенно осознающей себя как индивидуальность, как самостоятельное конкретное своеобразие. Вечно расширяющийся круг социальных учреждений, обслуживающих интересы личности, с одной стороны, связывая ее все более сложной и хитрой сетью взаимоотношений - с другой, дает ей же могучие технические средства для ее самораскрытия.

Начиная с тотемических обществ, в которых ранние протестанты пытались наперекор обычаям и суровым санкциям сототемников - "мстителей" утверждать, например, свое брачное право, свободу распоряжения своим чувством, и кончая современными европейскими обществами - всюду жизнь народности, нации, хотя бы идущей как целое к постепенному умиранию, характеризуется ростом личной независимости.

Даже в обществах социалистических, впервые слагающихся на наших глазах (в данном случае для нас важен утверждающийся принцип, а не практические формы его осуществления, определенные незрелостью обществ и сложностью среды их окружающей), в которых воля коллектива как будто все, а личность лишь исполнительный чиновник гигантской канцелярии, роль личности, несомненно, вырастает, хотя процесс этот и маскируется систематическими ограничениями личности при помощи неуклюжего центрального механизма. Самая идея коллективного учета,

коллективной инициативы, коллективного труда на всех ступенях общественной жизни возникает в виде протеста личности против тех лживых форм "либеральной" свободы, которая, обеспечивая свободу распоряжения для узких привилегированных кругов, одновременно была откровенным, циничным отрицанием прав личности как таковой. Действительная сила буржуазии обеспечивалась не хвастливыми словесными погромами под именем деклараций, хартий и прочего, украшавшими все ее фасады, но малозаметными на первый взгляд и вместе с тем действительными оговорками, которыми благожелательные эксплуататоры определяли реальную сферу осуществления личных прав.

Социалистические общества, или, вернее, их эмбрионы, даже подчиняя личность как таковую коллективу "равных и равноуважаемых целей" - практической полицией, застенками для протестантов, партийным маскарадом и пр. и пр., тем не менее во внутренних истоках своих одушевлены стремлением обеспечить независимость личности от всяких покушений извне. Исключение делается только для самого просвещенного деспота - коллектива, хозяина, ревниво оберегающего своих бесчисленных приказчиков от попыток взаимной эксплуатации.

Анархическое общество, требующее для своего осуществления ряда технических и психологических предпосылок (о чем речь ниже), строит свои утверждения на требовании совершенной независимости личности в пределах данной человеческой природы и ее технических средств. Нет и не может быть в социальной сфере ничего обязывающего личность, определяющего ее акты вне ее добровольного согласия. И последнее может иметь место только при наличии убеждения, что оно не станет источником посягательств на свободное самораскрытие индивидуальности.

Именно таковым явится постоянное господство безличного над индивидуальным моментом над волей и актами единственной подлинной реальности исторического процесса - человека.

Констатация этой антиномии есть основной мотив анархического отрицания не отдельных только институтов власти, но ее принципа, как бы сложно и искусно ни были замаскированы формы ее выявления. И бунт анархизма против власти абстракций над людьми обуславливается прежде всего тем, что анархическое мировоззрение есть мировоззрение не политически только, не юридически, но реально психически свободной личности.

Этот бунт возможен, неизбежен, имеет место также в силу естественного динамизма личности, охарактеризованного выше.

Этот динамизм не только не мирится с исторически предшествующими конкретными выражениями социальной зависимости, отношениями господства и подчиненности, но вступает в непримиримое противоречие и с той сферой безличного над индивидуальным произвола, который по своей природе имеет претензию быть вечным, неувыдающим спутником всего социального - любого общения и любой организации.

Этот "идол" бессмертия - самый страшный и упорный "идол". За него цепляются все исторические общества. Теоретическая аргументация признает его неустранимость. Утверждают, что вне действительного чуда преобразования человеческой природы, вне универсального просветления поражение "идола" невозможно.

Но если трудно вообще, а для анархизма особенно, поверить в такое чудесное преобразование природы, не менее трудно и верить в неизменную буддистскую неподвижность ее.

Таким образом, не меняясь в своей основной материальной сущности, человек благодаря постоянной работе над подчинением сил внешней природы, благодаря усложнению и дифференциации общественных отношений, благодаря нарастанию, укреплению и распространению антагонизмов утончает и углубляет свое самосознание, модифицирует свои запросы, вырабатывает новые формы отношения не только к

материальным базам общества, но и к противоречивой, полной исторических фетишизмов идеологии.

Динамика личности есть движение ее самосознания, последовательного раскрытия и крушения нарастающих в процессе общественного развития фетишизмов. Личность, полагая себя самоцелью и рассматривая любую общественную форму как служебный орган - хотя бы первично он выросла стихийно, независимо от чьей-либо индивидуальной воли - не может, естественно, мириться с представлением о существовании каких-либо сил или моментов, ограничивающих ее. И личность восстает не только против исторических конкретных сил, вытекающих из самой природы человеческого общения. Правда, необходимо иметь в виду, что эволюция человеческого самосознания неизбежно должна считаться и с растущими трудностями борьбы - усложнением и утончением самих фетишизмов, ростом их сопротивляемости и пр.

Но и наиболее искусно замаскированные формы фетишизма падают перед напором человеческого сознания и человеческой воли. Утверждение, что есть пороги, которых никогда не удастся переступить человеческому самосознанию, прежде всего ненаучно.

Общение и его формы образуются людьми. Единственным, постоянным, универсальным, необходимым признаком общения является сам человек. Характер и формы общения определяются уровнем его самосознания, т.е. его технико-экономической культурой, степенью его правосознания. И потому вечных, естественных, логических категорий общения, лежащих вне природы самого человека, не существует. Развитие этой природы ведет к постоянному, непрерывному пересмотру, переоценке и смещению этих категорий. Последние носят только служебный характер и по миновании в них практической надобности отмирают.

Было бы неверным думать, что могучий социальный гипноз, веками определявший судьбы человеческого самосознания, нес только вред человеку.

Его роль в течение долгого ряда исторических эпох была неизмеримо высока. Он был необходимой организационной базой. В представлениях членов отдельных исторических обществ он был той высшей безапелляционной инстанцией, которая конкурировала с Богом, требованиями разума, велениями совести и другими вдохновителями и корректорами человеческого права. Его укрепление долгие эпохи шло в унисон с развитием производительных сил, он был могучим ревнителем интересов передовых организационных групп. Представление о своеобразной и неодолимой мощи, исчерпывающей свое содержание и формы из самого факта человеческого общения, наполняло управляющих убеждением в прочности своих установлений, управляемых в надчеловеческом могуществе и естественной закономерности этих актов.

Именно в этом смысле этот древнейший и значительнейший из человеческих фетишизмов таил в себе глубокий организационный смысл. Он был опорой, фундаментом, на котором слагались общественные связи, строились человеческие общества, крепла культура, отбирались традиции, отстаивалась индивидуальность.

Анархическое мировоззрение впервые почувствовало невыносимую тяжесть этого фетишизма.

Правда, уже в ранние эпохи образования демократии отдельными, наиболее чуткими философами и публицистами чувствовалась таинственная закрепощенность человеческой личности. Но рационалистическая мысль в своих попытках борьбы против незримого неосязаемого чудовища то путалась в тине рассудочных компромиссов, то наносила случайные и бесплодные удары по листе ядовитого дерева, не касаясь его корней. И старое древо продолжало прикрывать своей верхушкой бессильно копошившийся под ним человеческий мир.

Мятежи сменялись революциями, падали династии и парламенты, переписывались конституции, захватывались права и свободы, а человек, наделенный острым чувством независимости, свободный от гипноза общественных санкций, продолжал остро

чувствовать невыносимое противоречие между своей личной волей и волей чудовища, хватавшего его своими всеулавливающими щупальцами.

Долгое время это было чувством одиночек, или гордо бросавших демонический вызов мирозданию, или тоскливо изнывавших в сознании бессилия.

Анархическое мировоззрение впервые уже на почве коллективного сознания не только раскрывает антиномию, но и доказывает ее анахронистическую сущность. Безличная реальность сыграла свою роль. Новый человек более не нуждается в ее ставшей фиктивной помощи. Она может быть сдана в архив многообразных исторических ненужностей.

Как марксистская критика капитализма вскрыла нам тайны товарного обращения и разоблачила естественный и для известных эпох в организационном смысле нужный фетишизм, так анархическая критика вскрывает и хоронит еще более всеобъемлющий фетиш, сохранивший обаяние свое и для социалистического мышления.

Фетиш власти изгоняется из последнего убежища.

Анархическое мировоззрение конструирует организацию, в которой всякое право есть продукт действительной свободы волеизъявления личности. Такая организация, скованная руками трудовых масс, испытавших на себе в течение веков гнет самых разнообразных форм власти, не нуждается более в реальностях *sui generis* и наделении их скорпионами (*в смысле права преследования, кары, происходит от библейского многохвостого бича с крюками на концах, называвшегося скорпионом - прим.ред.*) вплоть до полного упразднения самой реальности - человека.

Вместе с этим подлежит ликвидации и старое привычное возражение против утопического романтизма анархического мироощущения.

Последняя мысль получила яркое выражение у одного из современных писателей: "Государство... не только всецело принадлежит миру временного, но... неизбежно отражает самые теневые его стороны. Оно неразрывно связано с принуждением и насилием, которые вытекают из стихии силы, составляющей его основное ядро; оно в самых высших своих формах все же рассчитано на глубокие несовершенства человеческой природы. Анархисты, доказывая его ненужность, начинают с реабилитации этой природы, которая вовсе не поражена каким-то первородным грехом, а лишь искажена уродливыми общественными условиями. Действительно, общения, достигавшие высшей духовной красоты в жизни своих сочленов, наименее похожи на государство..." (5)

Несостоятельность этого рассуждения после всего сказанного очевидна. Анархизму для "оправдания" безвластного общества нет никакой нужды в специальной "реабилитации" человеческой природы. Анархизм, поскольку он является движением масс, а не безответственным романтическим настроением одиночки, великолепно понимает, что необходимой предпосылкой анархической организации является достаточная техническая и моральная культура личности, но это убеждение, не заключающее в себе никаких абсолютных требований чудес и преобразования природы, есть необходимая поправка на прогресс и только. Почва же, на которой анархизм борется против власти как таковой, заключается не в прекрасных качествах человеческой природы, но в достигнутой данным обществом достаточной технической зрелости и в осознанном им историзме всех остальных институтов.

Власть для анархизма не коренится в биологических свойствах человека. Она не заключает в себе ничего абсолютного. Она насквозь социальна. Раскрыв до дна свое содержание и смысл в истории, она может спокойно занять место в пантеоне отживших политико-юридических концепций.

Мы уже видели, что объективными предпосылками для построения безвластного общества является систематическое расширение и углубление общественного самосознания; накопление полезных общественных рефлексов, не нуждающихся более в опекающей руке; рост технических навыков, материального богатства, упраздняющих

понятия прожиточного минимума, коими власть на всех ступенях исторического существования пыталась успокоить голодные массы; рост материальной и психической сопротивляемости. Падает авторитет власти, священный ореол, ее окружавший, убеждение в ее нужности, правоте, справедливости, другими словами, подрываются необходимые условия властеотношения. Рост автономных организаций является могучей поддержкой стремлений к индивидуальному Самоосвобождению. Нет почвы для дальнейшего питания чувства зависти, вне коего нет и самого властеотношения.

Не раз высказывалось убеждение, что никакое познание таинственных процессов, слагающих природу власти, не дает оружия к психологическо-му их преодолению. Препятствием являются наши привычные представления эмпирического характера о сверхъестественной мощи форм "власти" (право, закон, государство и пр.) в силу: 1) участия в процессах образования момента власти неопределенного множества индивидуальных устремлений, 2) длительного постоянства подобных процессов, 3) неизмеримого воспитывающего значения их (6).

Невзирая на относительную значимость этих соображений они не могут, однако, поколебать развитой выше аргументации.

Что касается первого и второго соображений, выше было достаточно указано, что и участие в процессе образования власти множества индивидуальных волей и длительность этого участия, превышающая значительно масштабы индивидуального человеческого существования, не могут быть еще достаточным препятствием к психологическому преодолению их. Преодоление есть такой же закономерный, необходимый и мощный момент, как и установление с того момента, когда осознана до конца эмпирически практическая ненужность данного института. Когда "множество индивидуальных волей" перестает видеть в последнем защитника его интересов, ни бывшее его участие (его предшественников) в образовании института, ни долгая его жизнь не сумеют более его защитить. Его часы сочтены, трагедия становится фарсом. Благоговение сменяется свистом и ненавистью, церковнослужители уступают место кулачным бойцам, и институт с самыми импозантными фасадами трещит по всем швам. Так отмирают факты религиозного сознания, несмотря на их огромную историческую значимость, так возрастает бунт против "закона" в широком смысле слова, когда в нем начинают видеть лишь одну из возможных, но, однако, необязательных точек зрения.

Важнее - в практическом смысле - соображение, которое говорит о постоянных, явных и замаскированных для индивидуальной воли процессах приспособления ее к коллективному психическому нечто, стихийно властвующему над личностью, силой своей природы вынужденной к симбиозу.

Но и здесь объективные процессы воздействия на личность отнюдь не столь односторонни.

На первый взгляд торжество этой безличной надындивидуальной сферы исторически представляется как будто обезличенным. Как мы видели, самым фактом своего явления на свет исторический человек санкционирует разом все приказы и прихоти универсального суверена. И нет в этом плане как будто пределов ни человеческой чуткости, ни человеческой уступчивости.

Однако в действительной жизни по мере укрепления личного начала, а это бесспорный исторический факт культуры, все с большей настойчивостью и большим весом врываются новые струи, взрывающие его дно, мутящие его светлые воды, прокладываящие себе наконец новое русло.

Старое воспитывает, но новое бунтует. И там, где только что были закоченевший порядок, железная иерархия, неуязвимая догма, формулы, готовые для всякого запроса, сейчас - мятеж, борьба, крушение рангов, искание новой догмы. И если традиция и социальная гимнастика действуют укрепляюще в смысле подчинения авторитарному фетишу, то революционные процессы действуют в прямо обратном направлении,

расшатывая не только конкретный право-политический порядок, но поражая авторитарный порядок в самом его принципе.

Так анархизм приходит к заключению, что безвластное общество возможно. Ни современные формы общественных союзов, ни их санкции не суть логические категории общности, но категории исторические.

Вся предшествующая социологическая наука постоянно погрешала тем, что в своих исследованиях - даже в пределах, разрешимых ее специальной методологией, - чрезмерно игнорировала личность как фактор социологический. Для нее личность всегда оставалась лишь служебным органом, объектом, единицей, над которой стихийному началу общности разрешалось производить любые операции вплоть до приравнивания ее нулю.

Между тем личность есть кардинальная проблема, отправной пункт всякого социологического исследования. Сущность взаимоотношений личности и общества вовсе не разрешается веселым и безоговорочным упразднением первой. Это не социология, а плохая арифметика.

Рассуждая так, мы не проглядим первенствующего для нас факта, что успехи общения есть успехи личности; что общение может выразить и выражает исключительно то, что дано вложить в него личности; что самостоятельные явления, приписываемые коллективу, по существу, есть все же явления, порожденные историческими качествами личности; что тайны общения, скрытые от людей в ранних исторических обществах, перестают быть тайнами уже в буржуазно-демократических обществах, ибо социалистическая и особенно анархическая критика наносит непоправимые удары буржуазному оптимизму и вере в стихийный естественный гармонический порядок, своим происхождением обязанный любым внешним силам, но только не воле человека.

Так непроницаемый фетиш долгое время с необычайной ловкостью перелагал ответственность за все социальное зло с плеч благочестивых проповедников гармонии на независимые обстоятельства. Новое общество, зародыши которого мы наблюдаем в настоящее время, не может знать ни покорных воле пожиманий плеч, ни ссылок на анонимного, но дерзкого обидчика.

Всякое общение ныне ответственно за собственную историческую судьбу. Не только классовые группы, массы, но даже отдельные индивидуальности приобретают все больше возможности ковать собственную историю. Жизнь шире, богаче, податливее прокрустовых схем, пугающих ныне лишь кротов своими среднеарифметическими veto.

Мистические ссылки на "необходимость" годятся лишь для одурачивания темноты. Никто лучше не расправляется с этой необходимостью, как те, кто призван ее устанавливать. Спор о "необходимости" в условиях нашего исторического познания есть спор схоластов, спор далеко не бескорыстный. Лишь немногие схоласты спорят о "необходимости" из любви к чистому искусству, движимые инстинктом правдолюбия. Такие аскеты - в меньшинстве, большинство четко зарабатывают на этом споре славу, авторитет, власть - звание вождя. И чем одареннее спекулянт, тем выгоднее ведет он свою коммерцию. Обывателям, мистически приседающим пред "необходимостью", приходится платить за нее цену, какую прикажут. Деньги так деньги, вольности так вольности.

В наши дни и в этой игре кое-что начинают понимать. Слишком много было путаницы, просчетов и шулерства с "необходимостью".

Реальные голоса жизни, непосредственные факты нашего сознания все более решительно зовут нас самих к творчеству, борьбе, ответственности. Наиболее совершенная форма современной общности - классовая организация - первая дает отпор социальной мистике, зовущей к пассивизму и образованию новых рантье. В этом движении, в процессе развития классового самосознания, конечно, возникают новые идолы, правящие своими верноподданными.

Но этих идолов не следует особенно бояться. Они непрочны, ибо они противоречат революционной сущности подлинно боевой организации. Между тем только такая и

согласуется с анархическим мироощущением. Остальные мертвы, ибо заняты светским богословием.

И последовательное низведение универсальных божеств до степени местных, провинциальных означает постепенное низведение их до роли, единственно им подобающей, рабочей гипотезы. Они кончаются, когда перестает быть нужной их служба.

Нам остается поставить еще один вопрос - упраздняет ли борьба против величайшего фетиша человеческой истории - "власти" до конца антагонизмы, вырастающие из самого факта человеческого общения?

Выше, в решении проблемы о взаимоотношении между личностью и обществом мы говорили об этом подробно. Скажем лишь несколько слов.

Основная антиномия общения, антиномия личности и общества невзирая на полное раскрытие тайн общения независимо от его форм не может прекратить своего существования.

Даже со смертью всех конкретных проявлений стихийной иррациональной воли, командующей человеком-личностью, остается еще сфера интериндивидуальных, интер...льных (*в рукописи неразборчиво, возможно, "интернациональных" - прим.ред.*) отношений, сеть тонких, неуловимых взаимодействий, влияющих в той или другой степени на определения личности, хотя бы они ни по существу, ни по форме не имели ничего общего с социальным властничаньем.

Эти психические эманации могут быть личности близки и чужды, благоприятны или враждебны, они не снабжены никакими санкциями, но они слагают неизбежно ту интеллектуально-моральную атмосферу, в которой получает крещение, развивается, воспитывается психофизический механизм каждого.

Здесь возникают противоречия, здесь рождаются споры, здесь индивидуальность сталкивается с индивидуальностью и с индивидуальностями.

Именно последнее нас здесь занимает.

Пусть на защиту воли индивидуальностей, вступившей в конфликт с Вашей, не придут легионы вооруженных людей или агент с ближайшего поста; пусть ваша воля не может быть подавлена, стеснена, ограничена совокупностью стоящих рядом индивидуальных волей, вы все же различите Я и НЕ Я, свое и не свое, вы еще острее осознаете свою индивидуальность, чем в примитивных общественных условиях, когда стихийная сила универсально-нивелирующей власти поила все индивидуальности одним напитком бессилия и преклонения. Тогда все индивидуальности были бесправны и все равны в своем бесправии. Теперь все индивидуальности свободны от посягательств на их право, но все индивидуальности неравны в их правосознании. Глубина и напряженность последнего измеряется глубиной и напряженностью самой индивидуальности.

В этих беспрестанных отталкиваниях и притяжениях, постоянном беспокойстве и постоянной борьбе за отстаивание себя против возможности воздействий со стороны других - корень антиномии, продолжающей существование и тогда, когда исчезнут все призраки "власти".

Примечания автора

1) Погодин в статье "Царь в Москве", в "Москвитянине" в 1849 г. См.: Барсуков [Н.П.] Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. X. СПб., 1896. стр. 225.

2) Стефан Цвейг. "Принуждение" в сборнике "Незримая коллекция". Изд. "Время", 1928. 152.

3) На русском языке к числу наиболее оригинальных исследований следует отнести: Коркунов [Н.М.] Указ и Закон. СПб., 1894; Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства. М., 1894; Кокошкин [Ф.Ф.] Лекции по общему государственному праву. М., 1912; Петражицкий [Л.И.] Теория права и государства. Т. 1. СПб., 1909; Франк [С.Л.] Философия и жизнь (Сборник). СПб., 1910; Методология общественных наук. М., 1912; Котляревский [С.А.] Власть и право. М., 1915; Кистяковский [Б.А.] Социальные науки и право. М., 1916; Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. М., 1920; Магази́нер [Я.М.] Общее учение о государстве. Пг., 1922; Рождественский [А.А.] Теория субъективных публичных прав. М., 1913; Хатунцев [Б.Н.] О природе власти.

Саратов, 1925. В марксистском преломлении: Рейснер[М.Л.] Государство. М., 1919; Бухарин [Н.И.] Теория исторического материализма. М.; Пг., 1922; Магеровский [Д.Л.] Государственная власть и государственный аппарат. М., 1923.

4) См. вышеуказанное сочинение профессора Н.М. Коркунова, стр. 176-181.

5) Котляревский С.А. о.с. стр. 414.

6) См.: Франк [С.Л.] Философия и жизнь: Этюды и наброски по философии культуры. СПб., 1910. Проблема власти - стр. 106 и далее.

Рукопись А.А.Борового "Власть" (1935), хранящаяся в его архиве в ЦГАЛИ, была опубликована в С.Ф.Ударцевым в сборнике "Анархия и власть". Публикуется здесь с примечаниями Борового, но без комментариев С.Ф.Ударцева.